

18+

**В КОНЦЕ ОНИ
ОБА УМРУТ**

АДАМ СИЛЬВЕРА

В КОНЦЕ ОНИ ОБА УМРУТ

АДАМ СИЛЬВЕРА

Перевела с английского Дарья Раскова

Bookmate Originals

Popcorn Books

Москва

THEY BOTH DIE AT THE END

ADAM SILVERA

HARPER TEEN

An Imprint of HarperCollins Publishers

Содержание

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Отдел Смерти](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ Последний друг](#)

[ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Начало](#)

[ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Конец](#)

*Для тех, кому требуется напоминание о том,
что важен каждый день*

*Особая благодарность моей маме за всю ее любовь
и Сесилии за то, что была со мной строга, но
справедлива. Я всегда нуждался и в том и в другом*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отдел Смерти

Уметь жить — редчайшая способность в нашем мире.

Многие существуют, не более [\[1\]](#).

— Оскар Уайльд

5 сентября 2017 года

MATEO TORRES

00:22

Отдел Смерти звонит, чтобы сделать главное предупреждение в моей жизни: сегодня я умру. Нет, «предупреждение» — сильно сказано. Это слово подразумевает, что чего-то еще можно избежать, — как гудок автомобиля, когда переходишь дорогу на красный свет: успеешь еще сделать шаг назад. а это скорее запоздалый крик «Осторожно!».

Из моего телефона в другом конце комнаты раздается сигнал тревоги — непрерывный бой гонга, который ни с чем нельзя спутать, точно колокол церкви в квартале отсюда. Я тут же впадаю в панику, и сотни моих мыслей одновременно заглушают все звуки в мире. Держу пари, такой же хаос творится в голове у парашютистки, когда она впервые выпрыгивает из самолета, или пианиста, который играет первый в своей жизни концерт. Хотя наверняка об этом мне уже никогда не узнать.

Безумие какое-то. Еще минуту назад я читал вчерашний пост на форуме «Обратный отсчет», где Обреченные ведут хронику последних часов своей жизни, меняют статус и размещают в ленте фотографии в режиме реального времени. Пост о том, как один

первокурсник ищет новый дом для своего золотистого ретривера. а теперь умру и я.

Я сегодня... Нет... Да. Да.

Грудь сжимается. Я сегодня умру.

Я всегда боялся смерти. Не знаю почему, но мне казалось, что своим страхом я могу ее сглазить и она за мной не придет. Нет, в конце концов, конечно, придет, но только тогда, когда я постарею. Папа даже вбивал мне в голову, что надо притворяться, будто я главный герой какой-нибудь истории, с которым не может произойти ничего плохого. Ведь главные герои не умирают — они всегда должны быть на посту и всех спасать.

Но вот шум в голове постепенно стихает. На другом конце провода меня ждет глашатай Отдела Смерти, чтобы сказать, что сегодня, в возрасте восемнадцати лет, я умру.

Блин, я и правда...

Я не хочу брать трубку. Я бы лучше рванул к папе в спальню и покричал в подушку, потому что он так не вовремя оказался в реанимации, или ударил бы кулаком об стену, потому что мама обрекла меня на раннюю смерть, а сама умерла при родах. Телефон звонит уже раз в тринадцатый, и избегать разговора дальше невозможно, как невозможно избежать того, что случится со мной в течение сегодняшнего дня.

Я убираю с колен ноутбук и встаю с кровати. Меня немного качает, и я чувствую слабость во всем теле. Точно зомби, я медленно бреду к своему столу. Вылитый ходячий мертвец.

На экране телефона, конечно, высвечивается:
«ОТДЕЛ СМЕРТИ».

Я весь дрожу, но нажимаю «ответить». И молчу. Не знаю, что сказать. Я просто дышу, ведь мне осталось меньше двадцати восьми тысяч вдохов — именно столько вдохов в день делает тот, кто не умирает, — и я могу еще немного подышать, пока есть такая возможность.

— Здравствуйте, я звоню вам из Отдела Смерти. Меня зовут Андреа. Вы меня слышите, Тимоти?

Тимоти.

Но меня зовут не Тимоти.

— Вы ошиблись номером, — отвечаю я. Сердце успокаивается, хотя я сочувствую этому Тимоти. Правда. — Меня зовут Матео. — Папа назвал меня своим именем и хочет, чтобы оно передавалось по наследству. Теперь это снова возможно, если, конечно, у меня когда-нибудь будет сын.

На том конце слышен стук клавиш. Возможно, Андреа исправляет запись или делает пометку в базе данных.

— Ой, прошу прощения. Тимоти — это джентльмен, с которым я только что разговаривала. Бедняга, он плохо воспринял новость. а вы Матео Торрес, верно?

Ну вот и все, конец моей последней надежде.

— Матео, прошу вас подтвердить, что это действительно вы. Боюсь, мне сегодня еще многих предстоит обзвонить.

Я всегда представлял, что мой глашатай (их официально так называют, это не я придумал) будет

полон сочувствия и поможет мне принять новость или даже затянет волынку о том, какая это трагедия, ведь я совсем еще молод. Честно говоря, я бы не возражал, если бы Андреа бодрым голосом пожелала мне как следует повеселиться и оторваться на полную катушку, ведь теперь я по крайней мере знаю, что сегодня случится, а потому не стану открывать новый пазл на тысячу деталей, который никогда не закончу, и не пойду мастурбировать, оттого что секс с живым человеком меня пугает. Но вместо этого Андреа дала мне понять, что я трачу ее драгоценное время, которого у нее, в отличие от меня, в запасе навалом.

— Хорошо. Матео — это я. Я Матео.

— Матео, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать четыре часа вас постигнет безвременная смерть. И несмотря на то что предотвратить ее мы не в силах, у вас по-прежнему есть возможность порадоваться жизни. — Далее глашатай распространяется о том, что жизнь не всегда справедлива, и перечисляет список мероприятий, в которых я могу сегодня поучаствовать. Злиться на нее нехорошо, но ей, очевидно, уже наскучило говорить одни и те же зазубренные фразы о скорой смерти сотням, а то и тысячам человек. Сочувствия от нее явно не дождешься. Не исключено, что во время нашего разговора она вообще подпиливает ногти или сама с собой играет в крестики-нолики.

На форуме «Обратный отсчет» Обреченные выкладывают подробные записи обо всем, начиная с той секунды, как им позвонили, и заканчивая описаниями

того, как они проводят свой Последний день. Это такой твиттер для умирающих. Я прочитал километры записей, в которых Обреченные рассказывают, как упрашивали своих глашатаев раскрыть тайну их смерти, но абсолютно всем известно, что подробности не сообщаются никому, даже бывшему президенту Рейнольдсу, который четыре года назад спрятался от смерти в подземном бункере и в конечном счете был убит одним из собственных секретных агентов. Отдел Смерти называет только дату смерти человека, без указания точного времени или причины.

— Вам понятно все, что я сказала?

— Да.

— Будьте добры, зарегистрируйтесь на портале www.death-cast.com и заполните специальную форму на тот случай, если у вас есть особые пожелания в отношении ваших похорон. а также не забудьте выбрать гравировку для своего надгробного камня. Если же вы предпочитаете кремацию...

Я был на похоронах всего раз. Когда мне было семь, умерла моя бабушка, и во время церемонии я закатил истерику, потому что она никак не хотела просыпаться. Пять лет промчались как на перемотке, появился Отдел Смерти — и вот внезапно все бодрствуют на собственных похоронах. Возможность попрощаться с близкими до того, как умрешь, — это, конечно, потрясающе, но разве не лучше провести оставшееся время, просто живя? Наверно, я считал бы по-другому, будь я уверен, что ко мне на похороны вообще хоть кто-

то придет. Будь у меня больше друзей, чем пальцев на руке...

— В общем, Тимоти, от лица всех сотрудников Отдела Смерти приношу вам свои соболезнования. Нам очень жаль вас терять. Проживите этот день на полную, хорошо?

— Я Матео.

— Простите, Матео. Я до смерти устала. Какой-то бесконечный сегодня день, звонки отнимают столько сил, сплошной стресс...

Я бросаю трубку. Знаю, это очень невежливо. Знаю, но не могу слушать, как кто-то ноет о своем стрессе, когда сам я могу откинуться в течение часа. Да что там часа — десяти минут. Например, подавлюсь леденцом от кашля. Или решу куда-нибудь пойти, а потом упаду на лестнице и сверну себе шею, даже не выйдя из дома. Или кто-то вломится ко мне в квартиру и убьет меня... Единственное, что смело можно исключить, — это смерть от старости.

Я опускаюсь на колени. Сегодня все закончится, и от меня больше вообще ничего не зависит. Я не могу пуститься в путь по кишасим драконами землям, чтобы найти себе волшебный скипетр и остановить смерть. Не могу вскочить на ковер-самолет и отправиться на поиски джинна, который исполнит мое желание и дарует шанс прожить мою скромную жизнь до конца. Можно, конечно, поискать какого-нибудь сумасшедшего ученого, который заморозит меня в криогенной камере, но есть вероятность, что я погибну прямо в ходе

безумного эксперимента. Смерти избежать невозможно, и сегодня избежать ее не удастся мне.

Список людей, по которым я буду скучать (если мертвые вообще способны по кому-либо скучать), такой короткий, что его и списком-то не назовешь. Это папа, потому что он делал для меня все что мог. Это моя лучшая подруга Лидия, не только потому что она не игнорировала меня в школьных коридорах, но и потому что всегда садилась напротив в столовой, делала со мной на пару проекты по географии и мечтала, как однажды станет экологом, который спасет мир, а я отплачу ей тем, что буду в нем жить. Вот и весь список.

Ну а если бы кто-нибудь спросил, по кому я скучать *не буду*, ответить мне было бы и вовсе нечего. Зла мне никогда не причиняли.

Я даже знаю, почему никто так и не решился попробовать завязать со мной дружбу. Правда, знаю. Я жесть какой параноик. Бывало, одноклассники приглашали меня покататься на роликах в парке или погонять на машине поздно вечером, но я вечно соскакивал, потому что *а вдруг что-нибудь пойдет не так и мы умрем*.

Кажется, больше всего я буду сожалеть об упущенных возможностях, ведь я прохлопал ушами все свои шансы по-настоящему пожить и найти близких друзей среди ребят, с которыми просидел в одном классе четыре года. Буду сожалеть обо всех ночевках с одноклассниками, которые пропустил: где все галдели

до утра, играли в *Xbox Infinity* и настольные игры, — пропустил, потому что трусил.

Но больше всего я буду сожалеть о Будущем Матео, который, глядишь, расслабился бы и начал жить. Его трудно нарисовать в воображении, но я представляю его человеком, который не боится пробовать новое, к примеру раскуривает косяк с друзьями, получает водительские права или летит в Пуэрто-Рико, чтобы разузнать побольше о своих корнях. Может быть, он с кем-то встречается, и не исключено, что он счастлив. Наверняка он развлекает своих друзей игрой на пианино и поет для них песни. У него на похоронах точно было бы полно народу — людей, которым не удалось в последний раз его обнять, — и церемония растянулась бы на целые выходные.

У Будущего Матео список тех, по кому он будет скучать, был бы длиннее.

Но мне не суждено стать Будущим Матео. Никто со мной не накурится, никто не станет слушать, как я играю на пианино, никто не сядет рядом в машину моего отца, когда я получу права. Мне не доведется спорить с друзьями за лучшие ботинки для боулинга или за право управлять Росомахой на приставке.

Я снова сползаю на пол и думаю о том, что теперь я пан или пропал. Точнее, даже не так.

Сначала пан, потом пропал.

00:42

Папа всегда принимает горячий душ, когда расстроен или недоволен собой, — этот ритуал его успокаивает. Я начал за ним повторять лет в тринадцать, потому что на поверхность стали всплывать сбивчивые Матео-мысли и мне необходимы были тонны Матео-времени, чтобы с ними разобраться. Сейчас я стою под душем потому, что чувствую себя виноватым: я ведь смел надеяться, что миру — или хотя бы какой-то его части, за исключением Лидии и папы, — будет грустно меня потерять. Я отказывался быть смелым все те дни, в которые мне не звонили с предупреждением. Я потратил впустую все вчера, а в запасе у меня не осталось ни единого завтра.

Я никому ничего не скажу. Кроме папы, но он вообще сейчас без сознания, так что это не в счет. Не хочу провести последний день своей жизни, гадая, искренни ли со мной окружающие, когда говорят, как они опечалены. Нельзя проводить последние часы на Земле, сомневаясь в тех, кто рядом.

И все же мне придется выйти из квартиры, как-то убедить себя, что сейчас самый обычный день. Нужно повидаться с папой в больнице и подержать его за руку в первый раз с тех пор, как я был ребенком. В первый — и последний... Черт, последний раз в жизни.

Меня не станет раньше, чем я успею свыкнуться с тем, что смертен.

Еще мне нужно повидать Лидию и ее годовалую дочку Пенни. Когда малышка родилась, Лидия нарекла меня ее крестным, и самое отстойное, что именно я должен был позаботиться о девочке в случае, если

Лидии не станет, ведь ее парень, Кристиан, умер чуть больше года назад. Только как восемнадцатилетний подросток без средств к существованию сможет позаботиться о ребенке? Правильно, никак. Но предполагалось, что я повзрослею и буду рассказывать Пенни о ее маме, которая спасала планету, и о ее клевома папе; что я заберу ее к себе, когда стану финансово независим и эмоционально готов. Однако меня выбрасывает из ее жизни даже раньше, чем я успеваю стать для нее кем-то большим, чем просто парнем в фотоальбоме — парнем, о котором Лидия, возможно, однажды что-нибудь расскажет, пока Пенни будет кивать и, быть может, смеяться над моими очками, а потом, перевернув страницу, искать родственников, которых в самом деле знает и любит.

Мне даже призраком для нее не стать. Но это не повод не пощекотать ее в последний раз, не вытереть с лица пюре из кабачков и зеленого горошка и не дать Лидии небольшую передышку, чтобы она сосредоточилась на подготовке к экзаменам, почистила зубы, причесалась или вздремнула.

После этого я как-нибудь оторвусь от своей лучшей подруги и ее дочки и буду вынужден пойти и начать жить.

Я выключаю кран, и вода тут же перестает на меня капать. Сегодня нельзя целый час торчать в душе. Я беру с раковины очки и надеваю их. Вылезая из ванны, я поскользываюсь и, падая навзничь, думаю: вот сейчас и проверим, на самом ли деле перед глазами проносится жизнь, — но в последний миг хватаюсь за

сушилку для полотенца и удерживаю равновесие. Я вдыхаю и выдыхаю, вдыхаю и выдыхаю: умереть таким образом было бы весьма печально. Кто-нибудь обязательно добавил бы мой случай в раздел «Откинулись в душе» в блоге «Тупые смерти» — это жутко популярный сайт, который ужасно меня бесит.

Мне нужно скорее уйти отсюда и пойти пожить, но для начала — выбраться из квартиры живым.

00:56

Я пишу благодарственные записки соседям из квартир 4Е и 4А и в них сообщаю, что настал мой Последний день. Пока папа в больнице, Эллиот из 4Е присматривал за мной и приносил ужин, тем более что всю последнюю неделю у меня не работала газовая плита. Это я так папины эмпанады [\[2\]](#) пожарил. Шон из 4А хотел зайти в субботу починить конфорку, но теперь это делать необязательно. Папа знает, как ее починить, и, когда меня не станет, наверняка захочет на что-нибудь отвлечься.

Я иду к гардеробу, достаю фланелевую рубашку в серо-голубую клетку, которую Лидия подарила мне на восемнадцатилетие, и надеваю поверх белой футболки. Я ни разу не носил ее на улице. Сегодня эта рубашка — способ быть ближе к Лидии.

Я смотрю на часы. Раньше они были папины, но он отдал их мне, когда купил себе цифровые со светящимся экраном (у папы плохое зрение). Почти час ночи. В любой другой день я бы до утра играл в видеоигры,

наплевав на то, что в школе буду чувствовать себя разбитым, — все равно отосплюсь в «окнах» между уроками. Конечно, не стоило так разбрасываться свободным временем, ведь я мог бы взять еще один предмет по выбору, например рисование — и плевать, что, хоть убей, не умею рисовать. (Нет, разумеется, убивать меня не надо. Просто мне хотелось бы думать, что сейчас прошлое уже не имеет значения, однако для меня все-таки имеет.)

Может, надо было пойти в музыкальную группу пианистом? Стал бы популярным, потом поднялся бы на ступеньку выше, начал бы петь в хоре, после — дуэтом с кем-нибудь классным, а там и до соло недалеко, если собрать волю в кулак. Черт, даже драмкружок мог быть прикольным факультативом, доведись мне сыграть роль вне зоны своего комфорта. Но нет, я решил, что в свободное время лучше дремать в одиночестве.

На часах 00:58. Когда цифра сменится на 01:00, я обязан выйти из квартиры. Дом был моим храмом и моей тюрьмой, и вот в первый раз в жизни мне нужно покинуть его и вдохнуть свежего воздуха, а не насильно продираться сквозь него, чтобы добраться из пункта а в пункт Б, как это обычно бывает. Нужно посчитать деревья, может быть, спеть любимую песню, опустив ноги в Гудзон, и сделать все возможное, чтобы обо мне вспоминали как о парне, который слишком рано умер.

01:00

Даже не верится, что я больше не вернусь в свою спальню.

Я отпираю замок, поворачиваю дверную ручку и открываю дверь.

Затем мотаю головой и захлопываю ее обратно.

Я не хочу выходить в мир, который убьет меня раньше времени.

РУФУС ЭМЕТЕРИО

01:05

Когда мне звонит Отдел Смерти, я до смерти луплю нового бойфренда своей бывшей. Я сижу на нем сверху, коленями прижав к земле его плечи, и единственная причина, по которой он сейчас не получит в глаз, это громкий рингтон Отдела Смерти, который все так хорошо знают либо из личного опыта, либо из новостей, либо из любого вшивого сериала, где с его помощью добиваются эффекта нависшей опасности — *там-дам-да-а-а-ам*. Мои друзья, Тэго и Малкольм, перестают меня подбадривать. Повисает гробовая тишина, и я жду, что телефон Пека, этого придурка, тоже зазвонит. Но нет, только мой. И, возможно, звонок, сообщающий, что я вот-вот расстанусь с жизнью, только что спас жизнь моему противнику.

— Надо ответить, Руф, — говорит Тэго. Он записывал нашу потасовку на видео, потому что обожает смотреть драки в сети, но сейчас таращится на экран своего телефона, будто бы испугавшись, что и ему вот-вот позвонят.

— Черта с два, — говорю я. Сердце стучит как бешеное — быстрее, чем когда я наехал на Пека, быстрее, чем когда уложил его на лопатки. Левый глаз у него уже раздуло, а в правом отражается чистый ужас. Отдел Смерти звонит строго до трех часов ночи. Пек не может знать наверняка, утащу я его с собой на тот свет или нет.

Как и я.

Мой телефон затихает.

— Может, ошиблись? — говорит Малкольм.

Но звонок раздается вновь, и в этот раз Малкольм молчит.

Пустых надежд я не питаю. Не знаю статистики, но точно не припомню, чтобы Отдел Смерти лажал с предупреждениями. Да и вообще, семье Эметерио не сильно везет по части выживания. Встретиться с Создателем пораньше? Мы к вашим услугам!

Я дрожу, и внутри колотится паника, будто кто-то без перебоя бьет меня по голове. Я понятия не имею, как умру, но точно знаю, что это случится. И жизнь моя не проносится картинками перед глазами. Да я в принципе не ожидаю ничего подобного, даже когда окажусь в секунде от смерти.

Пек начинает ерзать подо мной, и я поднимаю кулак, чтоб его утихомирить.

— Может, у него при себе оружие, — говорит Малкольм. В нашей компании он самый крупный. Такой здоровяк, что, окажись он рядом, сумел бы помочь моей сестре сорвать ремень безопасности, когда наша машина перевернулась и рухнула в Гудзон.

До того как раздался звонок, я мог бы поспорить на что угодно, что у Пека нет при себе оружия, ведь это мы поймали его после работы. Но жизнь свою на кон я не поставлю, вот уж нет. Я роняю телефон на землю, обыскиваю Пека, толкаю на живот и проверяю, нет ли на ремне карманного ножа. Потом встаю, а он остается лежать на земле.

Малкольм вынимает рюкзак Пека из-под голубого авто, куда его закинул Тэго, расстегивает, переворачивает вверх дном, и на землю выпадают два комикса — «Черная пантера» и «Соколиный глаз».

— Чисто.

Тэго срывается с места, несется к Пеку, и — клянусь — мне кажется, он сейчас пнет его голову ботинком, как футбольный мяч. Но вместо этого Тэго хватает с земли мой мобильник и отвечает на звонок.

— Кому звоните? — Шея Тэго подергивается от нервного тика, и это никого из нас не удивляет. — Подождите, подождите. Это не он. *Подождите.* Секунду. — Он протягивает мне телефон. — Хочешь, повешу трубку, Руф?

Я не знаю. Передо мной на парковке у начальной школы по-прежнему лежит Пек, окровавленный и побитый, и мне вовсе не обязательно снимать трубку, чтобы понять: Отдел Смерти звонит не для того, чтобы поздравить меня с выигрышем в лотерее. Злой и сбитый с толку, я выхватываю у Тэго телефон. Кажется, меня сейчас вырвет, но ведь родителей и сестру не рвало, так что и меня, наверное, не будет.

— Присмотрите за ним, — веляю я Тэго и Малкольму. Они кивают. Сам не знаю, как я умудрился стать вожаком стаи. Я оказался в интернате на много лет позже них.

Я отхожу на пару шагов в сторону, подальше от пятна света под вывеской «Выезд», как будто уединение что-то решает. Не хочу, чтобы посреди ночи кто-нибудь заметил кровь на костяшках моих пальцев.

— Да?

— Здравствуйте, меня зовут Виктор. Я звоню из Отдела Смерти. Мне нужно поговорить с Руфусом Эметрио.

Он коверкает мою фамилию, но какой теперь смысл его поправлять. Все равно после меня здесь не останется никого с фамилией Эметерио.

— Да, это я.

— Руфус, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать четыре часа...

— Двадцать три часа, — прерываю его я, ходя туда-сюда вдоль машины. — Вы позвонили после часу. — Вот же отстой. Другие Обреченные получили предупреждение час назад. Быть может, если бы и мне позвонили на час раньше, я не стал бы ждать идиота Пека, вылетевшего из колледжа после первого курса, возле ресторана, где он работает, и не загнал бы его на эту парковку.

— Да, вы правы. Прошу прощения, — отвечает Виктор.

Я стараюсь помалкивать, потому что не хочу вымещать злость на каком-то парне, который всего лишь выполняет свою работу, хотя и не представляю, какого черта кто-то вообще соглашается работать в такой должности. Давайте на секунду представим, что у меня есть будущее. Не существует такой Вселенной, в которой я проснулся бы и сказал: «Хм-м, может, устроиться на сменную работу с полуночи до трех, где я буду сообщать людям, что их жизнь подошла к концу, и ничего больше?» Но Виктор и другие его коллеги

сделали такой выбор. Поэтому слышать ерунду вроде «гонца не убивают» я тоже не хочу, особенно учитывая, что он принес вести о моей кончине.

— Руфус, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать три часа вас постигнет безвременная смерть. И несмотря на то что предотвратить ее я не в силах, я звоню рассказать вам о том, что вы можете успеть сделать за этот день. Но для начала расскажите, как ваши дела? Вы не сразу ответили на звонок. У вас все в порядке?

Ему интересно, как у меня дела. Ну да, конечно. Да я по голосу слышу, что на самом деле ему на меня наплевать, так же как и на других Обреченных, которым он сегодня еще позвонит. Разговоры у них наверняка записываются, и парень вряд ли хочет потерять работу из-за того, что нарушил процедуру и рано повесил трубку.

— Не знаю я, как у меня дела. — Я сжимаю телефон в руке, чтобы не швырнуть его об стену с нарисованными светлокожими и чернокожими детишками, которые держатся за руки, стоя под радугой. Глянув через плечо, я вижу, что Пек все еще лежит ничком на асфальте, а Малкольм и Тэго смотрят на меня. Лучше б следили, чтоб он не сбежал, прежде чем мы придумаем, что с ним делать дальше. — Так что у меня за варианты? — Должно ведь быть что-нибудь интересное.

Виктор пересказывает прогноз погоды на день (дождь до полудня и после обеда, если я вообще дотяну до этого времени), перечисляет всякие мероприятия,

которые интересуют меня ровно на ноль процентов (особенно йога в парке Хай-Лайн, под дождем или без него), говорит о формальных похоронных процедурах и ресторанах с лучшими скидками для Обреченных при предъявлении сегодняшнего промокода. От всего остального я абстрагируюсь, потому что с тревогой гадаю, как вообще пройдет мой Последний день.

— а откуда вы знаете? — перебиваю я Виктора. Может, этот парень сжалится надо мной, и тогда я смогу раскрыть эту страшную тайну Тэго и Малкольму. — Я про Последние дни. Откуда вы о них узнаете? Есть какой-то список? Шар с предсказаниями? Календарь из будущего? — Все без конца строят догадки о том, откуда Отдел Смерти получает сведения, которые бесповоротно меняют жизнь людей. Тэго рассказывал мне всякие безумные теории, которые прочитал в сети, типа Отдел Смерти берет консультации у группы настоящих ясновидящих или, что совсем уж смешотворно, что они приковали к ванне инопланетянина и правительство заставляет его передавать данные о Последних днях землян. Эта теория — чистая фигня, но мне сейчас некогда объяснять почему.

— Боюсь, эта информация недоступна глашатаям, — заявляет Виктор. — Нам тоже любопытно, но для выполнения нашей работы знать подробности необязательно. — Еще один ответ на отвали. Готов поспорить, все-то он знает, просто не имеет права говорить, если не хочет потерять работу.

Ну и пошел он.

— Йоу, Виктор, побудь человеком хоть на минутку. Не уверен, знаешь ли ты, но мне семнадцать. Три недели до восемнадцатилетия. Тебя не огорчает, что я никогда не пойду в колледж? Никогда не женюсь? Не стану папой? Не поеду путешествовать? Сомневаюсь. Ты просто сидишь на своем маленьком троне в маленьком офисе, потому что знаешь, что у тебя в запасе еще есть несколько десятилетий, верно?

Виктор откашливается.

— Хотите, чтобы я был человеком, Руфус? Хотите, чтоб я слез с трона и посмотрел правде в глаза? Хорошо. Час назад я разговаривал с женщиной, которая плакала над тем, что больше не сможет быть матерью своей четырехлетней дочери, потому что малышка сегодня умрет. Она умоляла меня подсказать, как можно спасти дочери жизнь, но ни у кого из нас нет таких полномочий. а потом мне пришлось подать запрос в Детское подразделение, чтобы к ним выслали полицейского. На всякий случай — вдруг в смерти будет виновата мать. Можете мне не верить, но это еще не самое ужасное, что мне приходилось делать на рабочем месте. Руфус, я вам очень сочувствую. Правда. Но в вашей смерти нет моей вины, а мне сегодня, к сожалению, нужно еще многих обзвонить. Вы не могли бы сделать одолжение и пойти мне навстречу?

Черт.

Этому парню, конечно, не следовало рассказывать мне о других звонках, однако я не перебиваю его до конца разговора и теперь думаю лишь о матери, чья дочь никогда не пойдет в школу. Он говорил с ней

прямо передо мной. В конце звонка Виктор произносит фразу, которую я привык слышать в каждом сериале и в каждом фильме, в котором фигурирует Отдел Смерти: «От лица всех сотрудников Отдела Смерти приношу вам свои соболезнования. Нам очень жаль вас терять. Проживите этот день на полную».

Сложно сказать, кто повесил трубку первым, но это и не важно. Зло уже сотворено — будет сотворено. Сегодня мой Последний день — персональный Армагеддон Руфуса. Не представляю, как это случится. Молюсь только, что не утону, как родители и сестра. Единственный человек, которому я по-настоящему нагадил в жизни, это Пек, так что надеюсь, меня не застрелят, хотя кто знает, вдруг кто-нибудь обознается. Конечно, *что* я сделаю перед смертью, важнее того, *как* я умру, но мне не дает покоя полное незнание, как именно это случится. В конце концов, умираем мы только однажды.

Возможно, виноват будет все-таки Пек.

Я поспешно возвращаюсь к парням, беру Пека за воротник и с силой прижимаю спиной к кирпичной стене. Из открытой раны у него на лбу сочится кровь, и я не могу поверить, что этот дебил довел меня до такого исступления. Не надо было ему болтать направо и налево о том, почему я больше не нужен Эйми. Если бы до меня не дошли эти слухи, я бы не душил его прямо сейчас и он не был бы напуган сильнее меня.

— Ты не «победил», понял? Эйми со мной рассталась не из-за тебя, так что выкинь эту лажу из головы. Она любила меня. Да, у нас с ней все было сложно, но рано

или поздно она бы вернулась ко мне. — Я знаю, это чистая правда, и Малкольм с Тэго тоже так думают. Я напирал на Пека еще сильнее и не отрываясь смотрю ему в незаплаканный глаз. — Не хочу тебя видеть до конца жизни. — Да-да, не так уж это и много. Но он же реальный мудака, так пусть не расслабляется. — Понял?

Пек кивает.

Я отпускаю его, вынимаю у него из кармана телефон и швыряю об стену. Экран разлетается на куски, а корпус Малкольма давит ногой.

— Вали отсюда.

Малкольм хватает меня за плечо.

— Нельзя его отпускать. У него связи.

Пек уходит, испуганно прижимаясь к ограде, как будто идет по карнизу небоскреба высоко над городом.

Я стряхиваю руку Малкольма с плеча.

— Я же сказал: *вали, чтоб я тебя больше не видел!*

Пек переходит на бег зигзагами. Он не оборачивается, не проверяет, бежим ли мы следом, и не останавливается, чтобы забрать комиксы и рюкзак.

— Разве не ты рассказывал, что у него друзья в какой-то банде? — продолжает Малкольм. — Что, если они вернутся за тобой?

— Это не настоящая банда, и вообще его оттуда поперли. Нет смысла бояться банды, которая сто лет назад его пригрела. Он даже позвонить им не сможет, ни им, ни Эйми. Об этом мы позаботились. — Я не хотел, чтобы он набрал Эйми до того, как это сделаю я. Мне придется с ней объясняться, а я не уверен, что она

захочет меня видеть, если узнает, что я наделал. И не важно, Последний у меня сегодня день или нет.

— Отдел Смерти тоже теперь ему не дозвонится, — говорит Тэго, и шея его дважды дергается.

— Я не собирался его убивать.

Малкольм и Тэго молчат. Они видели, как я набросился на него, будто с цепи сорвался.

Меня продолжает трясти.

Я мог бы его убить, даже при том что не собирался этого делать. Не знаю, как бы я дальше жил, если бы все же его прикончил. Не-е, все вранье, я точно знаю как, просто хочу казаться крутым. Но никакой я не крутой. Я терзаю себя даже за то, что выжил, когда моя семья погибла, а ведь в их смерти не было моей вины. Без вариантов: я не смог бы спокойно жить, зная, что забил кого-то до смерти.

Я срываюсь с места и бегу к нашим великам. Мой руль застрял в колесе Тэго, когда мы бросили их на землю, преследуя Пека.

— Вам со мной нельзя, парни, — говорю я, поднимая свой велик с земли. — Поняли, да?

— Ну нет, мы за тобой. Просто...

— Не обсуждается, — перебиваю я. — Я бомба замедленного действия, и даже если вы не взлетите на воздух вместе со мной — все равно можете обжечься. Причем в буквальном смысле.

— Ты так просто от нас не избавишься, — говорит Малкольм. — Куда ты, туда и мы.

Тэго кивает, и его голова дергается вправо, а тело — нет, будто не хочет следовать за мной. Он снова кивает,

на этот раз спокойно.

— Вы как будто мои тени, — вздыхаю я.

— Потому что черные? — уточняет Малкольм.

— Потому что вечно ходите по пятам, — говорю я. —
Верные до самого конца.

До конца.

Мы замолкаем. а после садимся на велики
и съезжаем с бордюра, и колеса подпрыгивают на
асфальте одно за другим. Как некстати я сегодня
оставил дома шлем.

Тэго и Малкольм не могут торчать со мной весь день,
я это знаю. Но мы плутонцы — братья по интернату —
и никогда не поворачиваемся друг к другу спиной.

— Поехали домой, — говорю я.

И мы едем.